

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЯХ: ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД (психологическое исследование)

Ирина Чайковская

Название книги «Старый муж» [1] уводит несколько в сторону от проблемы. Оно, если отрешиться от пушкинских строчек, которые его породили, несколько легковесно.

Когда я представляла эту книгу в Москве на книжной ярмарке, один читатель, услышав название, сказал: о нет, я далёк от дамских романов. Между тем, если бы он заглянул в книгу, он бы понял, что она не столь легковесна, как ему представилось. Прежде чем писать эти рассказы и повесть, я прочитала очень много литературы, книг, писем, воспоминаний, написала несколько литературоведческих статей... Здесь нет фактической неправды. Но есть некоторый психологический уклон в сторону «женского взгляда» и «женской оценки»...

Общество наше по старинке патриархально, даже в Америке, что уж говорить о России. Говоря о писателях-мужчинах, мы обычно и смотрим на все происшедшие в их жизни события с точки зрения мужчины, главного героя рассказа. И вот я подумала: а что если в рассказе чуть-чуть поменять ракурс – рассказать жизнь писателя или его любовный роман с точки зрения не героя, а героини. Поставить в центр не его, с его собственной интерпретацией событий, обычно повсеместно звучащей, да ещё усиленной в литературных произведениях, чьей основой являются факты биографии, а её, с её не слышным публике словом, её аргументацией, её чувствами, порой резко не совпадающими с утвердившимся и настойчиво внушаемым каноном...

С этой позиции, под таким ракурсом я рассматривала судьбы трех женщин – Натальи Пушкиной, Натальи Герцен и Авдотьи Панаевой. Соответственно, в рассказах «Старый муж», «Зуб Шамана» и в повести «Дело о деньгах. Из тайных записок Авдотьи Панаевой» [2].

Однажды, прокручивая в голове пушкинские строчки «Старый муж, грозный муж, режь меня, жги меня. Я тверда, не боюсь ни ножа, ни огня», я подумала, что Пушкин «нагадал себе будущее». Нагадал не точно, жена не изменяла ему, но кончилась история так же кроваво – убийством на дуэли.

Можно сказать, что Натали в моём рассказе «Старый муж» не совсем такая, какой её пытаются изобразить современные биографы Пушкина, рисующие благостно идиллические портреты жены Пушкина. Но они, эти биографы, и печатают книги, где нет многих важных материалов. Купила в Москве книгу «Дуэль и смерть Пушкина» [3], 2009 года издания, надеясь встретить в ней новые материалы, обнаруженные итальянской исследовательницей Сереной Витале и опубликованные ею в ж. «Звезда» в 1997 году. Это письма Жоржа Дантеса к Екатерине Гончаровой, из которых следует, что были они в близких отношениях и Екатерина ждала от него ребёнка. Эти сведения переворачивают наши представления о том, что происходило в семье поэта накануне дуэли. Пушкин вовсе не заставил Дантеса жениться на Екатерине, тот должен был это сделать как честный человек и дворянин... короче, интерпретации всей преддуэльной истории должны исходить уже из новых фактов. Что до Натальи Пушкиной, многое говорит о том, что она любила Дантеса, была ближе к нему, чем к своему мужу... Я хотела показать тяжёлый трагический момент в жизни семьи, момент разлада, непонимания и даже ненависти. Когда Пушкин был ранен на дуэли, отношение к нему Натали поменялось, и потом, после смерти мужа, конечно, она испытывала к нему уже другие чувства... Но я изобразила именно этот момент, когда в Наталье Николаевне заговорили словно две пушкинские героини – цыганка Земфира, с её песней «Старый муж», и Татьяна Ларина, с её словами,

обращёнными к Онегину: «А счастье было так возможно, так близко...». Надеюсь, что читатели услышат эти слова в речах моей героини...

Натали Герцен. Ей и семейной драме Герцена посвящён мой рассказ «Зуб Шамана». Собственно, зачем я писала этот рассказ, когда есть замечательная глава «Круженье сердца» в мемуарах Александра Ивановича Герцена «Былое и думы»? Вопрос вполне резонный. Отвечу так. Писала отнюдь не для соревнования. Герценовская книга гениальна, а эта глава написана кровью сердца. С этим не поспоришь. Но написана она с точки зрения самого Герцена, история разлада в семье увидена глазами мужчины и интерпретирована им в своём ключе, так, как ему хотелось, чтобы её видели другие.

Между тем, переписка Натали с виновником разлада – Георгом Гервегом – говорит о том, что до самой своей кончины она его любила. Получается, что «примирения в Турине», в идиллических тонах описанное Герценом, гневное письмо Натали, обращённое к Гервегу (уничижительная характеристика Гервега), в какой-то степени – «конструкция» самого автора, «фэйк», как говорят американцы.

Письма Натали к Гервегу я брала из англо-американской книжки Эдварда Карра [4], боюсь, что в России до недавних пор были они недоступны...

Не так легко по отрывкам из писем восстановить полную картину отношений Натали Герцен и Георга Гервега. Мне хотелось показать, как различна психология мужчины и женщины, как часто по-своему понимает женщина любовь, к тому же такая женщина, как Наталья Александровна Захарьина - Герцен, возросшая в по-монастырски закрытом доме московской тётки-«благотельницы» и воспитанная на романах француженки Жорж Санд.

Авдотья Панаева. Это одна из моих «старинных» героинь. Десять лет назад, приехав в Америку, в библиотеке Университета штата Юта я наткнулась на её «Воспоминания» [5], когда-то мною уже читанные, и задумалась над этой женской судьбой. Так она меня и не отпускала. Когда я писала статью о подруге Маяковского, Лиле Юрьевне Брик, вспомнила и Авдотью Панаеву, не венчанную жену поэта Некрасова, бывшую, как и Лиля Брик, и музой, и хозяйкой салона, и устроительницей быта...

Потом созрело желание написать «тайные воспоминания» Авдотьи Яковлевны. И опять возникает вопрос – зачем? Зачем создавать ещё одни воспоминания, если она издала в конце жизни сама и свои? Но нужно знать, что писала она их не в целях исповедальных или хотя бы желая рассказать о своей жизни, нет, она писала воспоминания, спасаясь от нужды, желая заработать, так как бедствовала с девочкой на руках. Второй её муж, Аполлон Головачёв, рано умер, оставил её бедствующей вдовой с ребёнком. Не найдете вы в панаевских «Воспоминаниях» ни истории первого замужества (а Авдотья Яковлевна, происходя из актёрской среды, вышла замуж за дворянина, хлыща и расточителя Ивана Панаева), ни истории о «перемене участи», когда, уйдя от Панаева, продолжавшего жить в той же квартире, стала она гражданской женой его друга и соредатора Некрасова. Работая над «тайными записками» моей героини, я задалась целью рассказать об её утаённой от читателя внутренней жизни, показать драматизм и даже трагедию этой судьбы, предательство тех людей, которых она любила...

Написав первую часть «Дела о деньгах», я приостановилась. Дело в том, что если детство и юность героини ещё как-то описаны в реальных «Воспоминаниях», то всё, что происходило, когда она ушла к Некрасову, было окружено заговором молчания. Вообще, о Панаевой писали мало. Из исследователей можно назвать разве что одного Корнея Чуковского, с его очерком «Жена поэта» [6]. Но там многое, начиная с заглавия, вызывало мой протест.

Женой Некрасова Панаева не была, что делало её положение очень двусмысленным и вызывающим толки. Чуковский, к тому же, словно забывает, что была она писательницей: её «Воспоминания» обнаруживают и хватку, и наблюдательность, и

иронию, и умение строить диалог. У Чуковского в очерке АЯ, между тем, выступает как «разливательница чая». Ей, конечно, приходилось этим заниматься, но главным её делом было другое, о чём я и хотела рассказать в своей повести. Письма Некрасова к Панаевой и её к нему не сохранились, чудом уцелело несколько записок, так что всю историю взаимоотношений приходилось реконструировать по отдельным намёкам в переписке Некрасова с друзьями, по стихам. Я склеила целую тетрадь, где располагались лирические стихи Некрасова, обращённые или могущие быть обращёнными к Панаевой.

Здесь я столкнулась с проблемой. Некрасов сознательно менял даты под стихами, чтобы читатель не соотносил их содержания, скажем, рождение или смерть ребёнка, описание какой-то женщины, с вполне конкретными событиями и лицами. Приходилось идти ощупью, и я приписываю себе несколько открытий в смысле датировок и толкования некрасовской биографии...

Итак, реальные проблемы встали передо мной, когда я закончила первую часть повести «Дело о деньгах». Кончалась она в год начала «Современника» и в самый тот момент, когда Авдотья Яковлевна стояла перед дилеммой: оставаться с Панаевым, к тому времени ставшим ей номинальным мужем, или уйти к Некрасову. Дальше нужно было идти вброд по неизвестной реке. И я решила осуществить «разведку боем» – написала рассказ «Ночной дилижанс» [7], где рассказала всю историю с точки зрения Некрасова и как бы от его лица. А уже когда писала «по следам рассказа» вторую часть «Дела о деньгах», я давала событиям другую – её – интерпретацию. Это было на редкость интересно писать и – думаю – очень любопытно читать. Те читатели, которые не пропускают страницы и детали, отметят эти места.

Вот, например, сцена, когда взбешённая женщина рвёт письма и бросает их в огонь, или вся линия взаимоотношений с Огарёвым. То и другое в двух произведениях показано по-разному: с точки зрения мужчины-героя и глазами героини-женщины.

«Дело об огарёвском наследстве» – сложное и запутанное дело о якобы присвоенных деньгах Огарёва – тенью легло на Панаеву и Некрасова. Кто виноват был в том, что первая жена Огарёва, Марья Львовна Рославлева-Огарёва, после разъезда с мужем не получила тех денег, которые он ей посылал (а доверенным лицом МЛ была её подруга Панаева)? Как получилось, что умерла МЛ в нищете, всеми оставленная, – эта загадка осталась таковой и поныне. Чётко ответить, кто виноват, трудно. Я даю свою интерпретацию этой запутанной истории.

Мы дошли до имени героини, о которой я бы хотела сказать несколько слов. Марья Львовна Огарёва. О ней в истории литературы, и вообще в истории, сказано немного, и в основном – плохое. Вздорная была, кокетливая, изменяла Огарёву, бросила его, жила с другим в Париже, а деньги на прожитие давал всё тот же Огарёв. У меня нет однолинейного подхода к этой героине. Я знаю, что Тургенев называл её «плешивой вакханкой», что Герцен возмущался её поведением, – всё это я помню. Но моим взглядом, не таким жестким и прямым, как у этих мужчин, я попыталась разглядеть сквозь все напластования раненую душу этой женщины, её желание счастья во что бы то ни стало, её безнадёжный поиск мужчины-рыцаря.

Закончить я хочу Тургеневым, всю жизнь писавшим о женщинах, создавшим несколько незабываемых, ставших «классическими» женских образов. Рассказ о нём называется «Безумный Тургель» [8]. «Тургель» – так, по свидетельству американского слависта Авраама Ярмолинского, чья великолепная книга о Тургеневе до сих пор не переведена на русский язык, звали Тургенева дети Полины Виардо. Написан рассказ тоже на основе изучения фактов, документов, писем. В его основе лежит реальное событие – вызов Тургенева в Петербург российским Сенатом (Тургенев находился тогда в Бадене вместе с семейством Виардо), было это зимой 1886 года. Тургенев должен был дать отчёт о своих связях с «лондонскими пропагандистами» – Герценом, Огарёвым и

присоединившимся к ним Бакуниным. Но по ходу рассказа Тургенев вспоминает прошлое, свою юность, проходившую в Берлине. И вот этот отрывок о Берлине очень дорог мне как автору; это плод моей фантазии, но для меня он вполне реален... Нигде я не встречала, что араб-гадатель из берлинской кофейни нагадал молодому Тургеневу, что будет тот «меджнуном» – влюблённым безумцем. Но почему-то эта сцена кажется мне весьма правдоподобной и даже имевшей место в жизни писателя...

Тургенев закономерно заканчивает моё небольшое сообщение, несмотря на то, что разговор у нас шёл о женщинах, жёнах и подругах писателей. Иван Сергеевич был человеком с нежной женственной душой, и в этой паре Тургенев-Виардо управляла, бесспорно, она.

Заключение

Бытует мнение, что мужчину не характеризует избранная им женщина. Это и так, и не так. Может быть, выбор обусловлен рядом эмоциональных, а не высокоинтеллектуальных факторов, но в общении проявляются черты характера – свойства натуры.

Поэтому нам так рельефно видны психологические портреты писателей: Пушкина, Герцена, Тургенева, Некрасова...

Источники

1. Ирина Чайковская. Старый муж. Книга о русских писателях, их жёнах и подругах. – М.: Аграф, 2010.
2. Ирина Чайковская. Дело о деньгах. Из тайных записок Авдотьи Панаевой. // Звезда. №12, 2010.
3. Последняя дуэль. Мир Пушкина. Дневники, переписка, воспоминания. – СПб.: Изд-во «Пушкинский фонд», 2007.
4. Carr Edward Hallett. The Romantic Exiles. MIT-Press, London, NY, 1933, 1975.
5. Авдотья Панаева. Воспоминания. – М.: Захаров, 2002.
6. Корней Чуковский. Жена поэта (Некрасов и Авдотья Панаева). Собр. соч. т.8.– М.: Терра, 2003.
7. Ирина Чайковская. Ночной дилижанс. // Звезда. 2009, № 2.
8. Ирина Чайковская. Безумный Тургель. // Новый журнал. 2008, № 252.